

Кошева (Гочияева) Астра Шагабановна
Северо-Кавказская государственная академия
г. Черкесск, Российская Федерация
kosheva57@bk.ru

Семантика и функциональный потенциал дискурсива *кerti* в карачаево-балкарском языке

Аннотация

Предлагаемая работа выполняется в рамках описания феномена эвиденциальности в карачаево-балкарском языке. В фокусе внимания находится лексема *кerti* и её потенциальные возможности в качестве маркера эвиденциальности. Актуальность исследования обусловлена потребностью в системном анализе функций дискурсивных частиц и определении специфики этого класса слов в карачаево-балкарском языке. Цель исследования – выявить особенности семантики и функционального потенциала отдельно взятого дискурсивного маркера карачаево-балкарского языка. Научная новизна работы определяется тем, что предложено более системное и подробное описание дискурсива *кerti* по сравнению с тем, что представлено в существующих грамматиках карачаево-балкарского языка. Материалом для исследования послужил корпус примеров-контекстов, содержащих дискурсив *кerti*, отобранных методом сплошной выборки. Установлено что: 1) исследуемая лексема обладает большой функциональной гибкостью и может быть охарактеризована как средство организации речевого акта вопроса, согласия, уступки, оценки; 2) является средством выражения трех разновидностей эвиденциальной семантики (инферентив, презумптив, адмиратив). Результаты исследования могут быть использованы в лексикографической практике при составлении словарей карачаево-балкарского языка, при разработке компьютерных приложений для автоматического анализа текстов на карачаево-балкарском языке, а также в сравнительно-типологических исследованиях.

Ключевые слова: дискурс, маркер эвиденциальности, прагматика, инферентив, инференциальность, полифункциональность, карачаево-балкарский язык

© Кошева А. Ш. 2022

Для цитирования: Кошева А. Ш. Семантика и функциональный потенциал дискурсива *кerti* в карачаево-балкарском языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 1. С. 82–94. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_82

Astra Sh. Kosheva (Gochiiaeva)
North-Caucasian State Academy
Cherkessk, Russian Federation
kosheva57@bk.ru

Semantics and functional potential of discursive marker *kerti* in Karachay-Balkar language

Abstract

This paper presents the research in the sphere of lexical evidentiality. It is aimed to study the pragmatic potential of widely used discursive marker *kerty* in Karachay-Balkar discourse. Being an integral component of discourse, evidential markers are of special significance in any language. Karachay-Balkar discourse contains a considerable amount of different parenthetical patterns to express evidential meanings. However, there is a lack of special studies of evidentiality in this language which was a motivation for this study. The sources of material

for the study were the works of Karachay-Balkar fiction rich in colloquial speech. Continuous sampling was used to select the tokens containing *kerty*. A combination of contextual and semantic methods was used to analyze the tokens found. The results showed that discourse marker *kerty* 1) is characterized by high functional flexibility being the means to arrange the speech acts of question, agreement, concession and evaluation, 2) is a means to express three types of evidentiality (inferentive, presumptive and admirative). The obtained results can be used in lexicographic practices of compiling dictionaries of Karachay-Balkar language, in designing applications for automatic Karachay-Balkar text analysis as well as for further typological research.

Keywords: discourse, markers of evidentiality, pragmatics, inferentive, inferential meaning, polyfunctionality, Karachay-Balkar language

© Kosheva A. Sh. 2022

For citation: Kosheva, A. Sh. (2022). Semantika i funktsional'nyy potentsial diskursiva *kerti* v karachaevo-balkarskom yazyke [Semantics and functional potential of discursive marker *kerti* in Karachay-Balkar language]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8(1), 82–94. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_82

1. Введение [Introduction]

В словаре структурных слов [Морковкин и др., 1997] дискурсивные слова определяются как средства текстовой связи и рассматриваются в составе группы структурных слов, которые формируют реляционную, синтаксическую и модальную структуру текста.

Последние десятилетия в фокусе лингвистических исследований как в России, так и за рубежом остаётся семантический потенциал незнаменательных слов и их функционирование в дискурсе. К настоящему времени накоплен значительный материал в этой области. Появились специальные словари, посвящённые классу незнаменательных слов [Морковкин и др., 2003]. Однако в лингвистике до сих пор нет общепринятого мнения о корпусе незнаменательных слов, определении их статуса и функций, грамматической многомерности и коммуникативной многофункциональности. В отечественном и зарубежном языкознании признаётся тот факт, что «из всех существующих классов слов дискурсивные слова являются самым неоднородным по составу классом» [Николаева, 2014, с. 123]. К ним относят частицы, вводные и вводно-модальные слова, союзы, междометия, стереотипные высказывания и прочее.

Анализ работ по теме исследования позволяет говорить о существовании различных исследовательских подходов к дискурсивным единицам: семантический, прагматический, функциональный, коммуникативный, текстовый, стилистический. Так, Дж. Браун и Дж. Юл выделяют характерные грамматические особенности маркеров дискурса [Brown, Yule, 1983, p. 106]. Ч. Бауэр-Рамазани за основу классификации маркеров берёт их синтаксическую роль в предложении [Bauer-Ramazani, 2006]. Д. Шифрин рассматривает дискурсивные маркеры с позиций функционального подхода и характеризует их «как единицы дейксиса, которые выступают связующим элементом между говорящим, слушающим, местом и временем» [Schiffrin, 1987, p. 323–333]. Б. Фрейзер [Fraser, 1999] отмечает прагматический характер дискурсивных маркеров и рассматривает их роль для обеспечения когерентности дискурса. Предлагая для таких единиц термин «прагматема», Н. В. Богданова-Баглярян исходит из того, что в устном дискурсе отдельные незнаменательные лексемы переходят на коммуникативно-прагматический уровень языка и становятся сугубо прагматическими единицами. При этом «в процессе прагматикализации происходят изменения в семантике лексических единиц, повышается роль прагматического компонента и уменьшается значимость денотативного и сигнификативного элементов» [Богданова-Баглярян, 2014]. С. Бризер [Brizer, 2012] относит

подобные единицы к «образующим дискурс элементам» (discourse structuring elements). К. Фишер отмечает полифункциональный характер дискурсивов и описывает их функции, как в устном, так и в письменном дискурсе [Fischer, 2014, p. 277–278].

Стремительное развитие корпусной лингвистики и появление языковых корпусов дало новый импульс в изучение дискурсивных маркеров методами корпусной лингвистики (см. напр., [Шилихина, 2015]). Полифункциональность грамматических и лексических дискурсивных маркеров исследована на материале четырёх корпусов английского языка в [Шустова, Царенко, 2019].

Общий вывод, к которому можно прийти, проанализировав результаты, полученные авторами вышеуказанных работ состоит в том, что, обладая достаточно бедным лексическим значением, дискурсивные слова нагружены содержательной информацией и разнообразными прагматическими смыслами.

В настоящей статье представлены промежуточные результаты исследования лексических средств выражения эвиденциальности и миративности в одном из тюркских языков Северного Кавказа. В карачаево-балкарском языке (далее КБЯ) дискурсивы не были объектом фундаментального исследования, они представлены в основном лишь разделами в грамматиках. Как и в других языках, употребление незнаменательных слов в КБЯ связано с прагматикой дискурса и отражает специфические принципы функционирования национального языка [Кошева, 2021, с. 45]. Предлагаемая работа посвящена исследованию семантики и текстового потенциала отдельной лексемы КБЯ в различных речевых жанрах. В фокусе внимания статьи находится многофункциональный дискурсивный маркер *кертти*.

Являясь универсальным средством человеческого языка, дискурсивы управляют процессом общения. Как класс единиц, они не имеют чётких границ и объединяют единицы самых разных уровней, от фонетического до синтаксического. Большинство исследователей сходятся в том, что частеречный статус дискурсивных слов определяется на основании функциональных критериев (см., в частности [Киселева, Пайар, 2003, с. 9]).

Различное понимание границ данного класса языковых единиц и их терминологическое разнообразие указывает на транскатегориальный характер исследуемых единиц. В данной работе мы будем использовать наиболее общие термины – «дискурсивные маркеры» и «дискурсивные единицы», которые не ограничивают транскатегориальный характер исследуемых языковых единиц. Кроме того, эти термины указывает на функциональную природу данных языковых единиц, которые функционируют в качестве сигналов наличия дополнительных смыслов в высказывании. Дискурсивы восходят к разным частям речи, однако отмечается, что особенностью их семантики является «преобладание коммуникативного над номинативным в зависимости от сферы действия» [Шерстяных, 2016, с. 43].

В разное время предпринимались попытки классификации дискурсивных слов в разных языках. Репрезентация эвиденциальности и функционирование дискурсивных частиц были исследованы в немецком языке [Журавлева, Шустова, 2018; Иванов, 2019], хакасском [Каксин, 2013], русском [Киселева, Пайар, 2003], корейском [Трофименко, 2009], японском [Хафизова, Шафигуллина, 2021]. Р. Вальтерайт [Waltereit, 2006] рассматривает сходства и различия между дискурсивными и модальными частицами в романских языках. Имеется значительное количество описаний отдельных дискурсивных слов (см. напр., [Падучева, 2014; Кобозева, 2007; Аверина, 2016; Шерстяных, 2016; Кошева, 2021]).

В тюркологии подход к изучению эвиденциальности на первых этапах повторял традицию русистики, т. е. эвиденциальные значения рассматривались в совокупности с модальными значениями (см. [Современный татарский..., 1969; Кононов, 1956, 1997;

Петров, 1984 ; Щербак, 1987]. Это связано с тем, что категория эвиденциальности в турецком языке имеет тесные связи с видовременной системой. В турецком языке такие формы, как *-miştir*, *-miş olmalı* часть исследователей относят к маркерам перфекта (напр., [Гузов, 2015]), часть – отмечают у них и наличие значения эвиденциальности (напр., [Johansen, 2000, p. 61–87]).

Теоретической базой исследования послужили работы, посвящённые категории эвиденциальности в турецком и алтайском языках [Эйюп, 2005 ; Скрибник, Озонова, 2005], якутском языке [Ефремов, 2010], финно-угорских, самодийских и тюркских языках [Каксин, 2013, 2019], татарском языке [Кадырова, 2014].

В зарубежном языкознании исследования сосредоточены на типологии и классификации языков по наличию эвиденциальных систем и стратегий исходя из средств выражения. Среди современных работ общего характера следует отметить монографию А. Айхенвальд [Aikhenvald, 2004], которая содержит одну из наиболее разработанных типологических систем данной категории и представляет собой полный путеводитель по истории изучения эвиденциальности в языках мира.

Значительный вклад в исследование категории эвиденциальности в турецком языке внесли работы [Кононов, 1997 ; Гузов, 2015 ; Aksu-Koc, Slobin 1986 ; Johanson, 2003]. Сборник «Evidential: Turkic, Iranian and Neighbouring Languages» под редакцией Л. Юхансона и Б. Утаса (2000 г.) стал итогом работы симпозиума, посвящённого эвиденциальности в тюркских и иранских языках.

В отечественной тюркологии рассматриваемая категория изучена во многих языках. Примером анализа в этих работах являются не только морфологические эвиденциальные формы, но и лексические средства. Так, Е. К. Скрибник и А. А. Озонова, рассматривая исследуемую категорию в алтайском языке, выявили, что, помимо грамматических форм выражения, косвенная засвидетельствованность в алтайском языке может выражаться особыми частицами. Обилие средств для выражения миративности приводит авторов к выводу о «расцвете миративности» в тюркских языках Южной Сибири [Скрибник, Озонова, 2005]. Н. Н. Ефремов, исследуя категорию эвиденциальности в якутском языке в сопоставлении с некоторыми тюркскими языками Южной Сибири, выделил и описал совмещённые и специализированные средства выражения данной категории и отметил, что последние в якутском языке представлены частицами, образованными от имён [Ефремов, 2010].

Тюркские языки всё чаще становятся предметом сопоставительного, а не отдельного изучения. В [Исхакова и др., 2007] авторы анализируют данные татарского и узбекского языков, с привлечением шорского. Исследователи отмечают необязательность выражения эвиденциальных значений в тюркских языках: в значении косвенной засвидетельствованности могут выступать формы эвиденциальных перфектов, имеющие разный эвиденциальный статус в упомянутых языках, и некоторые другие. Рассматриваются и лексические средства выражения эвиденциальности. На материале английского и татарского языков описана категория пересказывательности как компонент поля косвенной эвиденциальности [Кадырова, 2014]. Сравнительный анализ средств выражения косвенной эвиденциальности представлен в [Кадырова, 2014 ; Хафизова, Шафигуллина, 2021].

Всё же дискурсивы в тюркских языках остаются недостаточно изученными отчасти из-за того, что среди тюркологов нет единства в определении границ служебных частей речи. Одни рассматривали части речи лишь как лексические разряды слов, другие обращали внимание на типы словообразования и словоизменения без учёта лексико-семантических особенностей. Таким образом, проблема всестороннего анализа незначительных слов (дискурсивов) и определение их места в составе частей речи остаётся актуальной. Служебные слова, характеризующиеся многоплановостью и полифункциональностью.

нальностью, нуждаются в выявлении индивидуальных свойств и особенностей их функционирования.

В карачаево-балкарском языкознании к числу таких лексем относится дискурсив *керти*, который до настоящего времени не являлся предметом отдельного исследования. Краткие классификационные сведения о нём можно найти в трудах общего характера [Алиев, 2012, с. 267; ГКБЯ, 1976, с. 516; Гузеев, 1999, с. 262–267; Кошева, 2006, с. 154].

Проведённый анализ научной литературы позволяет прийти к выводу о том, что семантика данной лексемы недостаточно изучена, существующие работы по теме являются немногочисленными и по большей части носят фрагментарный характер, а лексикографические данные не дают исчерпывающей и адекватной информации. В карачаево-балкарском языкознании лексикографическая традиция описания дискурсивных маркеров ещё только формируется. При всей важности дискурсивных маркеров для процесса коммуникации современные словари включают описания лишь отдельных дискурсивов и не дают, как правило, сколько-нибудь полного описания их функций. Обычно составители словарей ограничиваются одним-двумя значениями. Например, в [КБРС, 1989, с. 327] дискурсив *керти* имеет следующие соответствия: 1. правда, правдивый, правильный. 2. действительный, действительно. 3. объективный, реальный.

По нашим наблюдениям, данный перечень не отражает всех значений и ситуаций употребления исследуемого дискурсива. Смысл, образуемый на основе прототипического значения дискурсива *керти*, может включать в себя концепты различных эмоций или оценки. Ж. М. Гузеев объясняет это «недостаточно полным изучением лексической сочетаемости слова в типичном и нетипичном для него контексте, неразличением уникальных и типичных условий реализации слова» [Гузеев, 1999, с. 71].

Многозначные слова находятся в прямой зависимости от контекста, поэтому без тщательного анализа условий реализации их значений сложно установить и обоснованно квалифицировать эти значения. Для толковых словарей тюркских языков характерно нечёткое определение сущности и характера многозначных слов, и, как следствие, излишне дробное членение содержания слова на значения. Карачаево-балкарско-русский словарь не является исключением.

Суммируя данные литературных источников, можно отметить следующие характерные особенности дискурсивных маркеров:

- преимущественно препозитивное местоположение в высказывании;
- свободный тип синтаксической связи со структурой, в которой они употребляются;
- факультативность употребления;
- принадлежность к различным грамматическим классам слов – междометиям, наречиям, частицам;
- зависимость от контекста.

Всеми этими характеристиками в той или иной степени обладает исследуемая единица *керти*.

2. Семантика и текстовый потенциал дискурсива *керти* 'действительно / действительный / правда'

[Semantics and functional potential of *керти* 'really / real / true']

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

В качестве источников фактического материала были использованы данные карачаево-балкарско-русского словаря и произведения карачаево-балкарской художественной прозы. Выбор произведений обусловлен тем, что они содержат фрагменты спонтанной разговорной речи. Примеры без отсылки взяты из ГКБЯ и полевых материалов автора, которые были собраны в процессе работы над диссертационным исследо-

ванием, посвящённым категории модальности. Сбор эмпирического материала проводился методом сплошной выборки. Перевод всех первоисточников выполнен автором статьи, носителем карачаевского диалекта исследуемого языка. В исследовании применялись методы дискурсивного и контекстуально-ситуативного анализа, а также описательный метод.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Анализ материала свидетельствует, что лексема *керти* обладает большой функциональной гибкостью и может иметь разные интерпретации в разных коммуникативных режимах. Перейдём к более детальному рассмотрению функций и иллюстрации их примерами.

I. В смысловой структуре слова *керти* одной из сем является «подтверждение истинности утверждения», которая по-разному реализуется в функциональных вариантах этой единицы.

(1) *Кертуди, тенглик болмагъан жерде къарыулу къарыусузну къыйынын ашайды* (ГКБЯ) – '**Правду говорят**, там, где нет дружбы, сильный слабого поедает'.

(2) *Гюллю биз айланганг джерде тубеген эм сейирлик элени бириди, деучендиле къонакъгъа келгенле. Кертиси да, бизни ата-бабаларыбыз джашаргъа джер сайлай билгендиле* (Б. С.) – 'Все гости, бывало, говорили, что не видели более красивого места. **Что правда, то правда**, умели наши предки выбирать место для жилья'.

(3) *Майна джан, – деб, къамчисини учу бла колхоз гардош бачханы кёргюзду. Керти да, анда бир эркиши, бёркюн атыб, джюльонген джалан башыджилтираб, гардош къаза турады* (Г. К.) – 'Вон кто-то, – сказал он, указав кнутом в сторону колхозного картофельного поля. **И действительно**, там копал картошку мужчина с непокрытой лысой головой'.

II. Дискурсив *керти* употребляется как универсальный показатель речевого акта согласия или положительного ответа, проявляя при этом семантическую гибкость:

(4) *Услу, огъурсуз джерле болурла, хо тейри. Аяз къакъса, къысылыр ышыкъ табаллыкъ тюлсе, башхасын къой. Суу ыщан да кёрюнмеди, эслеймисиз?... – 'Да, суровые, наверное, земли. Даже от ветра негде укрыться, не говоря о другом. И воды нигде не видно, заметили?' – Керти алай, оллахий. Къайдан къайры келдик суу ышанга тубемей* (Г. К.) – '**И правда**, сколько едем, а воды нигде нет'.

Дискурсив *керти* участвует в координации и согласовании действий говорящего и слушающего, а также способствует интеракции между говорящим и слушающим:

(5) *Керти айтасыз. Акъ-Къаланы къаты аскерден толу эсе, бизге алайтын чырмалмай озуб кетген бек къыйын боллукъду* (Т. Т.) – '**Вы правы**. Новый Карачай окружён войсками и мы не сможем там прорваться без потерь'.

Лексема *керти* соединяет фрагменты текста, проявляя себя как дискурсивная частица, позволяющая установить взаимодействие между говорящим и слушающим через утверждение:

(6) *Кертуди, алада былайда бир кесек ишлеб кетген эдиле* [К., с. 28] – '**Действительно**, они какое-то время здесь работали'.

(7) *Сен мени закон излейди деме, не ючюн десе, сен кесинг тюз закон этмегенсе. Бу ишни законсуз болгъанын билесе, джукълат, мен да юйюме, атама къайтайым. Ол инджилиб джашайды. Мындан кёб сюрме, – деб, Темирджан андан джууаб изледи. Керти айтаса. Къайт. Законсуз зат этдирмезме, – деди Солтан* (Г. Б.) – '«Ты не думай, что я пришел качать права, потому что ты первым нарушил закон. Ты прекрасно знаешь, что это решение незаконно, отзови его, и я вернусь домой к отцу. Он страдает. И давай покончим с этим», – сказал Темирджан, вопросительно взглянув на него. **Лад-**

но / хорошо / договорились, возвращайся. Я не позволю свершиться беззаконию», – ответил Султан'.

(8) ...*Керти айтасыз, биз да алгыбы бурун былайын бегитирге деб сизге аз сауут бергенбиз аны ючюндю. Сауут джетишимейди...* (Т. Т.) – '*Согласен / признаю*, мы хотели сначала укрепить это участок и поэтому выдали вам мало оружия. Его не хватает...'

В примерах (7), (8) «буквальное значение дискурсивного маркера оказывается в тени значения прагматического, и поэтому его можно анализировать только в контексте» [Шилихина, 2015, с. 121].

III. В определённом контексте исследуемый дискурсив выступает средством выражения предположительной инференциальной семантики, основанной на логическом умозаключении. Инференция как важнейшая мыслительная операция представляет собой умозаключение о наличии факта. Она основана на интерпретации тех или иных сведений, базирующихся на «причинно-следственных связях и знаниях об устройстве мира» [Падучева, 2014, с. 530]. Инференциальная деятельность даёт возможность анализировать известные сведения в качестве предпосылок для вывода, давая человеку возможность сделать заключение о событии, свидетелем которого он не является:

(9) *Кертуди, экиси да ол узакъ жыллада кеп кыйынлыкъ сынагъан болурла – Видимо*, во время долгих странствий оба многое пережили'.

(10) *Керти да, Къууатланы Рамазан деб бир майор къулдукъ эте эди* (Г. К.) – '*Точно / И действительно*, там служил некий майор Куатов Рамазан'.

Выражение уверенности, сомнения или догадки, которые содержатся в примерах (9), (10) – это результат собственных мыслительных действий говорящего.

В следующем фрагменте эвиденциальную семантику анализируемой лексемы можно охарактеризовать как презумптив (или конклузив) – говорящий выдвигает гипотезу, основанную на личном опыте / знании мира. Герой отрывка сетует на то, как трудно ездить верхом после длительного перерыва. Исследуемый маркер вводит позитивные воспоминания действующего лица, причём эти воспоминания контрастируют с нынешним положением дел [Аверина, 2016, с. 73]:

(11) *Атха хар аллахны кюнюнде мине турмасанг, гёбел болуб къаласа. Кертиси, джаш заманында аны юсюнден тюшмегенлей, джукъуму да тындыра, зртденден ингирге, ингирден да таннга дер барыучан эдим* (Г. Б.) – 'Если регулярно не ездить верхом, отвыкаешь, оказывается. А в молодости, бывало, я сутки напролёт проводил в седле, даже засыпал иногда в седле'.

IV. Лексема *керти* обладает целым рядом интересных свойств в плане употребления в разных типах речевых актов. Полученные данные свидетельствуют о возможных различиях в употреблении эвиденциального показателя в утверждении и в вопросе, в диалоге и нарративе [цит. по: Падучева, 2014, с. 540]. Являясь единицей, обладающей в дискурсе ситуативно-прагматическим содержанием, *керти* регулярно употребляется в речевом акте вопроса.

(12) *Кертими айтаса? – деб сорду Бадимат* (К. К.) – 'Это правда? – спросила Бадимат'.

В составе вопроса дискурсив *керти* может осложняться значением укора, упрёка, а также служит для выражения удивления, восхищения или недоверия к сказанному:

(13) *Керти окъуна, Мухтар, сен кесинг а нек ичмейсе, бизни къыса билесе да? – И правда*, Мухтар, что это ты сам не пьёшь, а на нас заседаешь?'

(14) *Керти, бизге тансыкъ болгъанмы эдинг – Неужели действительно* ты по нам соскучился?'

В некоторых случаях частица *да* в составе вопроса подчёркивает ориентированность вопроса на собеседника:

(15) *Керти да, Алибек, нек мыдахса? – Ол къызны къолтугъундан кириб баргъанын юй бичеси эслеб кетгенди... . Энди юч кюнню сёлеширик тюлдю (А.) – 'Ну, правда, Алибек, о чём ты так грустишь? – Да жена видела его под руку с другой женщиной. Теперь три дня не будет разговаривать'.*

(16) *Керти? Неге айтмай тураса да? – Мен да сен келирни аллында билгенме – 'Да ты что / Неужели? Что же ты молчишь до сих пор? – Да я сам узнал только перед твоим приходом'.*

В подобных высказываниях лексема *керти*, выполняя прагматическое задание, берёт на себя основное фразовое ударение.

V. В определённых контекстах дискурсив *керти* может акцентировать фрагмент высказывания, содержащий коммуникативную оценку информации говорящим:

(17) *Кертиди, жаш ал кезиуде бир кесек хаулерек болгъанды – 'Действительно / на самом деле, в молодости у него была не очень хорошая репутация'.*

В данном контексте маркер вводит аргументацию ранее высказанной позиции и тем самым усиливает её весомость.

VI. Исследуемый дискурсив может употребляться в составе присоединительных уступительных конструкций. В подобных случаях *керти* вносит уточнение или какую-то поправку, ограничивающую то, о чём говорится в предыдущей части высказывания [Морковкин и др., 2003, с. 280]. Уступительное значение при этом проявляется исключительно в контексте.

(18) *Керти, алгъаракъда Сафарны мен жаратмагъан жерлери болгъандыла, алай ол жаш эди, ким да, анасындан туугъанлай, алапат болуп къалмайды (Гузеев, 1999) – 'Вначале Сапар мне не понравился, правда / хотя, тогда он был молод, да что там, никто не рождается идеальным / все мы не без греха'.*

В следующих примерах сфера действия дискурсивного маркера распространяется не только на предложение, но и на несколько предложений [Waltereit, 2006, S. 7].

(19) *Кертиди, Тауджанны аузу бир кесек шибижиге тартады. Алай болгъанлыкъа бир джартылыгъы болмагъан кимди? (К. К.) – 'Правда, у Тауджан есть один недостаток – слишком остра на язык. А с другой стороны, кто без изъяна?'*

(20) *Керти да, Апанасны, хунагъа джарашмагъанча, къылыкълары бардыла- юйд-егиси, кеси да дауурладан асыры джанламагъан чёрегирек адамладыла. Тийрени джаматгъаты аланы асыры джаратмайды алай а бары бирча ашхылы къайдан болсунла дегенлик бла, къабыргъаларын бир-бирлерине джарашитыра барадыла (Б. Дж.) – 'Действительно, у Апанаса не очень хорошая репутация – и он, и члены его семьи часто бывают замешаны в каком-нибудь скандале. В округе их не жалуют, но понимая, что не всем же быть одинаково хорошими, пытаются сохранять добрососедские отношения'.*

В последнем примере значение эвиденциальности есть «интерпретируемый говорящим чужой взгляд на ситуацию» [Плунгян, 2000, с. 325]. *Керти*, в данном случае как уступительное слово, выступает синонимом союза *хотя* и передаёт мнение говорящего о действительности.

3. Заключение [Conclusion]

Итак, анализ практического материала свидетельствует, что лексема *керти* активно употребляется в речи и обладает:

- экспрессивно-эмоциональной окраской;
- проявляет функциональную и семантическую гибкость;
- обладает фразообразующей возможностью и вступает в различные свободные и несвободные сочетания слов: *керти, кертиди, керти да, кертиси да, керти алай, керти окъуна;*

– может быть классифицирована как многофункциональная модально-эвиденциальная частица.

В рамках данной работы нас интересовали эвиденциальные характеристики исследуемой единицы. В результате исследования установлено, что дискурсивный маркер *кертти* характеризует три разновидности косвенной эвиденциальности: а) инферентив – говорящий сообщает о событии, основываясь на логическом умозаключении; б) презумптив – говорящий сообщает о событии, основываясь на личном опыте или знаниях о мире; в) адмиратив – неожиданное открытие, изумление. При этом приобретение исследуемой лексемой эвиденциальных значений происходит исключительно в пространстве дискурса.

Перспективным, на наш взгляд, является дальнейший анализ незначительных слов в КБЯ, их типологизация, выявление их прототипических функций в текстах различного жанра.

Источники материала

- Б. С. – Аппаев Б. Биринчи суймеклик (=Первая любовь). Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного изд-ва, 1976. 160 с.
- Г. К. – Лайпанов С. Гюрге кюн. Ставропольское книжное изд-во (Карачаево-Черкесское отделение), 1991. 288 с.
- Т. Т. – Кубанов Д. Х-А. Таулада Тауш. Ставропольское книжное изд-во, Карачаево-Черкесское отделение, 1989. 328 с.
- К. – Кагиева Н. М. Къарча. Черкесск : Карач.-Черк. книжное изд-во, 1994. 240 с.
- Г.Б. – Коркмазов К. М. Горда бычакъ Т. З. Черкесск : Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного изд-ва, 1984. 248 с.
- К.К. – Аппаев Х. Къара кюбюр. Черкесск : Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного изд-ва, 1986. 325 с.
- Б.Дж. – Лайпанов С. З. Бырмамытны джыры. Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1987. 280 с.
- А. – Урусова А. М. Айсанат. Ставропольское книжное изд-во. Карачаево-Черкесское отделение, 1987. 272 с.

Библиографический список

- Аверина, 2016 – Аверина А. В. Заметки о свойствах частицы *Ja* в немецком языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 3.1 (57). С. 69–74.
- Алиев, 2012 – Алиев У. Б. Избранные труды: В 3 т. Т. 2 : Работы по языкознанию. Нальчик : Полиграфсервис и Т, 2012. 368 с.
- Богданова-Бегларян, 2014 – Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 3 (27). С. 7–20.
- ГКБЯ, 1976 – Грамматика карачаево-балкарского языка. Фонетика, морфология, синтаксис / под общ. ред. Н. А. Баскакова. Нальчик : Эльбрус, 1976. 571 с.
- Гузев, 2015 – Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та, 2015. 319 с.
- Гузев, 1999 – Гузев Ж. М. Современный балкарский язык : учебник (на балкарском языке). Нальчик : Изд-во «Эльбрус», 1999. 235 с.
- Ефремов, 2010 – Ефремов Н. Н. Средства выражения косвенной эвиденциальности в якутском языке // Сибирский филологический журнал. 2010. № 1. С. 152–156
- Журавлева, Шустова, 2018 – Журавлева Е. Р., Шустова С. В. Функциональный потенциал дискурсивных маркеров в немецком языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Вып. 4 (3). С. 18–31. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2018_4_3_18_31

- Исхакова и др., 2007 – Исхакова Х. Ф., Насилов Д. М., Невская И. А., Шенцова И. В. Эвиденциальность в тюркских языках // Эвиденциальность в языках Европы и Азии : сб. статей памяти Н. А. Козинцевой / отв. ред. В. С. Храковский. СПб. : Наука, 2007. С. 469–518.
- Кадырова, 2014 – Кадырова Л. Б. Сопоставительное исследование категории пересказывательности как компонента поля косвенной эвиденциальности (на материале английского и татарского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 ; Казанский гос. энерг. ун-т. Казань, 2014. 209 с.
- Каксин, 2013 – Каксин А. Д. Репрезентация эвиденциальности и митаривности в хакасском языке: способы и средства // Мир науки, культуры и образования. 2013. № 3 (40). С. 247–249.
- Каксин, 2019 – Каксин А. Д. О грамматическом оформлении эвиденциальных значений в финно-угорских, самодийских и тюркских языках // Вестник Тувинского гос. ун-та. Социальные и гуманитарные науки. 2019. № 4 (52). С. 6–20. <https://doi.org/10.24411/2072-8980-2019-10015>
- КБРС, 1989 – Карачаево-балкарско-русский словарь / под. ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Суюнчева. М. : Русский язык, 1989. 832 с.
- Киселева, Пайар, 2003 – Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое описание / сост. К. Киселева, Д. Пайар. М. : Азбуковник, 2003. 207 с.
- Кобозева, 2007 – Кобозева И. М. Полисемия дискурсивных слов и попытка ее разрешения в контексте предложения (на примере слова вот) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : труды Международной конференции «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2007 г.) / под ред. Л. Л. Иомдина, Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Сеlegeя. М. : РГГУ, 2007. С. 250–255.
- Кононов, 1956 – Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. 569 с.
- Кононов А. Н. Турецкий язык // Языки мира: тюркские языки / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М. : Индрик, 1997. С. 394–411.
- Кошева, 2006 – Кошева А. Ш. Функционально-семантическое поле модальности в разносистемных языках (на материале английского и карачаево-балкарского языков) : дис ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; Кабардино-Балкарский гос. ун-т. Нальчик, 2006. 192 с.
- Кошева, 2021 – Кошева А. Ш. Дискурсивный маркер СОРА: семантика и прагматика (на материале карачаево-балкарского языка) // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2021. № 1 (110). С. 43–51. <https://doi.org/10.37972/chgru.2021.110.1.006>
- Морковкин и др., 1997 – Словарь структурных слов / В. В. Морковкин, Н. М. Луцкая, Г. Ф. Богачева [и др.]. М. : Лазурь, 1997. 420 с.
- Морковкин и др., 2003 – Объяснительный словарь русского языка: структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / В. В. Морковкин, Н. М. Луцкая, Г. Ф. Богачева [и др.]. М. : Астрель ; АСТ, 2003. 421 с.
- Падучева, 2014 – Падучева Е. В. Эвиденциальные показатели и их режимы интерпретации // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2014. Т. 10, Ч. 3. С. 529–541.
- Петров, 1954 – Петров Н. Е. Модальные слова в якутском языке. М. : Наука, 1984. 204 с.
- Плунгян, 2000 – Плунгян В. А. Общая морфология: введение в проблематику: учеб. пособие. М. : Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.
- Скрибник, Озонова, 2005 – Скрибник Е. К., Озонова А. А. Средства выражения засвидетельствованности и митаривности в алтайском языке // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. Новосибирск : Ника, 2005. С. 12–146.
- Современный татарский..., 1969 – Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология. М. : Наука, 1969. 380 с.
- Трофименко, 2009 – Трофименко О. А. Эвиденциальность в корейском языке // Вестник ИГЛУ. 2009. № 4 (8). С. 140–147.
- Шерстяных, 2016 – Шерстяных И. В. Дискурсивные слова как средство организации речевых жанров (на примере лексемы правда) // Жанры речи. 2016. № 1 (13). С. 42–49. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-1-13-42-49>
- Шилихина, 2015 – Шилихина К. М. Изучение дискурсивных маркеров методами корпусной лингвистики // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 120–125.

- Шустова, Царенко, 2019 – Шустова С. В., Царенко Н. М. Прагматический потенциал дискурсивных маркеров // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 4. С. 163–170. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_4_163_170
- Щербак, 1987 – Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (наречия, служебные части речи, изобразительные слова). Л. : Наука, 1987. 150 с.
- Эйюп, 2005 – Баджанлы Эйюп. Категория эвиденциальности в турецком языке в функционально-семантическом аспекте (в сопоставлении с алтайским языком): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 ; МГУ. М., 2005. 209 с.
- Aikhenvald, 2004 – Aikhenvald A. I. Evidentiality. Oxford : Oxford University Press, 2004. 452 p.
- Aksu-Koc, Slobin, 1986 – Aksu-Koc A. A., Slobin D. I. A psychological account of the development and use of evidentials in Turkish // Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology / ed. by W. Chafe, J. Nichols. New Jersey : Ablex Publishing Corporation, 1986. P. 159–167.
- Bauer-Ramazani, 2006 – Bauer-Ramazani Ch. English Discourse Markers [Electronic Resource]. 2006. URL: <http://academics.smcvt.edu/cbauerramazani/AEP/BU113/English/discmarkers.ht/> (дата обращения : 14.07.2021).
- Brizer, 2012 – Brizer S. From Subject to Subjectivity: Russian Discourse Structuring Elements Based on the Adverbial Participle Govorya «Speaking» // Russian Linguistics. 2012. Vol. 36, Iss. 3. P. 221–249.
- Brown G., Yule G. Discourse Analysis. Cambridge : Cambridge University Press, 1983. 288 p.
- Fischer, 2000 – Fischer K. From cognitive semantics to lexical pragmatics: the functional polysemy of discourse particles. Berlin : Mouton de Gruyter, 2000. 374 p.
- Fraser, 1999 – Fraser B. What are discourse markers? // Journal of Pragmatics. 1999. Vol. 31. P. 931–952.
- Johanson, 2003 – Johanson L. Evidentiality in Turkic // Studies in Evidentiality / ed. by A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon. Amsterdam, 2003. P. 273–293
- Johanson, 2000 – Johanson L. Turkic indirectives // Evidentials: Turkic, Iranian, and neighboring languages / ed. by B. Utas, L. Johanson. Berlin – New York : Mouton de Gruyter, 2000. P. 61–87.
- Schiffirin, 1987 – Schiffirin D. Discourse Markers. Cambridge : Cambridge University Press, 1987. 364 p.
- Waltereit, 1983 – Waltereit R. Abtönung: Zur Pragmatik und historischen Semantik von Modalpartikeln und ihren funktionalen Äquivalenten in romanischen Sprachen. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 2006. 205 S.

References

- Averina, A. V. (2016). Zametki o svoystvakh chastitsy Ja v nemetskom yazyke [On the features of the particle Ja in the German language]. *Filologicheskiye nauki Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 3.1 (57), 69–74. (In Russ.).
- Aliyev, U. B. (2012). *Izbrannyye trudy* [Selected papers]. In 3 volumes. Vol. 2: Raboty po yazykoznaniiyu [Papers in the study of language]. Nalchik : Poligrafservis i T Press. (In Russ.).
- Bogdanova-Beglarian, N. V. (2014). Pragmatemy v ustnoy povsednevnoy rechi: opredelenie ponyatiya i obshchaya tipologiya [Pragmatic items in everyday speech: Definition of the concept and general typology]. *Vestnik Permskogo un-ta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 3 (27), 7–20. (In Russ.).
- Baskakov, N. A. (Ed.). (1976). *Grammatika karachayevobalkarskogo yazyka. Fonetika, morfologiya, sintaksis* (GKBYA) [Karachay-Balkar grammar. Phonetics, morphology, syntax]. Nalchik : Elbrus Press. (In Russ.).
- Guzev, V. G. (2015). *Teoreticheskaya grammatika turetskogo yazyka* [The theory of Turkish grammar]. St Petersburg : St Petersburg University Press. (In Russ.).
- Guzeyev, Zh. M. (1999). *Sovremennyy balkarskiy yazyk* [Modern Balkar]: A coursebook. Nalchik : Elbrus Press. (In Balkar).
- Yefremov, N. N. (2010). Sredstva vyrazheniya kosvennoy evidentsial'nosti v yakutskom yazyke [Means of expressing indirect evidentiality in the Sakha language]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 1, 152–156. (In Russ.).

- Zhuravleva, E. R., Shustova, S. V. (2018). Funktsional'nyy potentsial diskursivnykh markerov v nemetskom yazyke [Functional potential of discourse markers in German]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 4 (3), 18–31. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2018_4_3_18_31
- Iskhakova, Kh. F., Nasilov, D. M., Nevskaya, I. A., Shentsova, I. V. (2007). Evidentsial'nost' v tyurkskikh yazykakh [Evidentiality in Turkic languages]. In V. S. Khrakovskiy (Ed.), *Evidentsial'nost' v yazykakh Evropy i Azii. Sbornik statey pamyati N. A. Kozintsevoy* [Evidentiality in languages of Europe and Asia: A commemorative volume in honor of N. A. Kozintseva] (pp. 469–518). St Petersburg : Nauka Press. (In Russ.).
- Kadyrova, L. B. (2014). *Sopostavitel'noye issledovaniye kategorii pereskazyvatel'nosti kak komponenta polya kosvennoy evidentsial'nosti (na materiale angliyskogo i tatarskogo yazykov)* [Comparative study of the category of rendering as indirect evidentiality field component] : PhD in Philological sci. diss. Kazan : Kazan State Power Engineering University. (In Russ.).
- Kaksin, A. D. (2013). Reprezentatsiya evidentsial'nosti i mirativnosti v khakasskom yazyke: sposoby i sredstva [Evidentially and mirative representation in the Khakass: Ways and means]. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education], 3 (40), 247–249. (In Russ.).
- Kaksin, A. D. (2019). O grammaticheskom oformlenii evidentsial'nykh znacheniy v finno-ugorskikh, samodiyskikh i tyurkskikh yazykakh [On the grammatical design of evidential senses in Finno-Ugric, Samodian and Turkic languages]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'n-yye i gumanitarn-yye nauki* [Bulletin of Tuva State University. Social and human Sciences], 4 (52), 6–20. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/2072-8980-2019-10015>
- Tenishev, E. R., Suyunchev, Kh. I. (Eds). (1989). *Karachayevo-balkarsko-russkiy slovar'* (KBRSS) [Karachay-Balkar-Russian dictionary]. Moscow : Russkiy yazyk Press. (In Russ.).
- Kiseleva, K., Payar, D. (Eds). (2003). *Diskursivnyye slova russkogo yazyka: kontekstnoye var'irovaniye i semanticheskoye opisaniye* [Russian discursive words: Context variation and semantic description]. Moscow : Azbukovnik Press. (In Russ.).
- Kobozeva, I. M. (2007). Polisemiya diskursivnykh slov i popytka yeye razresheniya v kontekste predlozheniya (na primere slova vot) [Polysemy of discursive words and the attempt to overcome it in the context of a sentence (The example of the word vot)]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii* [Computer linguistics and IT]: Proc. International Conference “Dialog 2007” (Bekasovo, May 30 – June 3, 2007) (pp. 250–255). Moscow : RGGU Press. (In Russ.).
- Kononov, A. N. (1956). *Grammatika sovremennogo turetskogo literaturnogo yazyka* [Modern Turkish grammar]. Moscow ; Leningrad : USSR Academy of Sciences Press. (In Russ.).
- Kononov, A. N. (1997). Turetskiy yazyk [The Turkish language]. In E. R. Tenishev (Ed.), *Yazyki mira: tyurkskiye yazyki* [Languages of the World: Turkic languages] (pp. 394–411). Moscow : Indrik Press. (In Russ.).
- Kosheva, A. Sh. (2006). *Funktsional'no-semanticheskoye pole modal'nosti v raznosistemnykh yazykakh (na materiale angliyskogo i karachayevo-balkarskogo yazykov)* [Functional-semantic field of modality in typologically different languages (Based on English and Karachay-Balkar)]. PhD in Philological sci. diss. Nalchik : Kabardino-Balkarian State University. (In Russ.).
- Kosheva, 2021 – Kosheva A. SH. Diskursivnyy marker SORA: semantika i pragmatika (na materiale karachayevo-balkarskogo yazyka) [Semantics and functioning of discourse marker sora in Karachay-Balkar language]. *Vestnik CHGPU im. I. Ya. Yakovleva* [I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin], 1 (110), 43–51. (In Russ.). <https://doi.org/10.37972/chgpu.2021.110.1.006>
- Morkovkin, V. V., Lutskaya, N. M., Bogacheva, G. F. et al. (Eds). (1997). *Slovar' strukturnykh slov* [Dictionary of structural words]. Moscow : Lazur' Press. (In Russ.).
- Morkovkin, V. V., Lutskaya, N. M., Bogacheva, G. F. et al. (Eds). (2003). *Ob'yasnitel'nyy slovar' russkogo yazyka: strukturn-yye slova: predlogi, soyuzy, chastitsy, mezhdometiya, vvodn-yye slova, mestoimeniya, chislitel'nyye, svyazochnyye glagoly* [Russian explanatory dictionary. Structural words: Prepositions, conjunctions, particles, interjections, numerals, link verbs]. Moscow : Astrel' Press ; AST Press. (In Russ.).
- Paducheva, Ye. V. (2014). Evidentsial'n-yye pokazateli i ikh rezhimy interpretatsii [Evidential markers and their registers of interpretation]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies], 10 (3), 529–541. (In Russ.).

- Petrov, N. E. (1984). *Modal'nyye slova v yakutskom yazyke* [Modal words in Yakut]. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Plungyan, V. A. (2000). *Obshchaya morfologiya: vvedenie v problematiku* [General morphology: Introducing the topic]: A coursebook. Moscow : Editorial URSS Press. (In Russ.).
- Skribnik, Ye. K., Ozonova, A. A. (2005). Sredstva vyrazheniya zasvidetel'stvovannosti i mirativnosti v altayskom yazyke [Means of expressing evidentiality and mirativity in the Altai language]. *Puti formirovaniya lingvisticheskogo landshafta Sibiri* [The ways of forming the language landscape of Siberia] (pp. 12–146). Novosibirsk : Nika Press. (In Russ.).
- Sovremennyy tatarskiy literaturnyy yazyk. Leksikologiya, fonetika, morfologiya [Modern Tartar language: Lexicology, phonetics, morphology]. (1969). Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Trofimenko, O. A. (2009). Evidentsial'nost' v koreyskom yazyke [Evidentiality in Korean]. *Vestnik IGLU* [The ISLU Philological Review], 4 (8), 140–147. (In Russ.).
- Sherstyanykh, I. V. (2016). Diskursivn-yye slova kak sredstvo organizatsii rechevykh zhanrov (na primere leksemy pravda) [Discursive words as a means of organizing speech genres (On the example of lexeme true)]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 1 (13), 42–49. (In Russ.). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-1-13-42-49>
- Shilikhina, K. M. (2015). Izucheniye diskursivnykh markerov metodami korpusnoy lingvistiki [Corpus-based study of discourse markers]. *Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 3, 120–125. (In Russ.).
- Shustova, S. V., Tsarenko, N. M. (2019). Pragmaticheskiy potentsial diskursivnykh markerov [Pragmatic potential of discourse markers]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 5 (4), 163–170. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_4_163_170
- Shcherbak, A. M. (1987). *Ocherki po sravnitel'noy morfologii tyurkskikh yazykov (narechiya, sluzhebnyye chasti rechi, izobrazitel'nyye slova)* [Essays of comparative morphology in Turkic languages (Adverbs, functional words, onomatopoeic words)]. Leningrad : Nauka Press. (In Russ.).
- Badzhanly Eyyup. (2005). *Kategoriya evidentsial'nosti v turetskom yazyke v funktsional'no-semanticheckom aspekte (v sopostavlenii s altayskim yazykom)* [Evidentiality category in Turkish: Functional and semantic aspects]. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Lomonosov Moscow State University. (In Russ.).
- Aikhenvald, A. I. (2004). *Evidentiality*. Oxford : Oxford University Press.
- Aksu-Koc, A. A., Slobin, D. I. (1986). A psychological account of the development and use of evidentials in Turkish. In W. Chafe, J. Nichols (Eds), *Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology* (pp. 159–167). New Jersey : Ablex Publishing Corporation.
- Bauer-Ramazani, Ch. (2006). *English Discourse Markers*. Retrieved July 14, 2021 from <<https://academics.smevt.edu/cbauerramazani/AEP/BU113/English/discmarkers.ht>>.
- Brizer, S. (2012). From subject to subjectivity: Russian discourse structuring elements: Based on the adverbial participle govorya «speaking». *Russian Linguistics*, 36 (3), 221–249.
- Brown, G., Yule, G. (1983). *Discourse Analysis*. Cambridge : Cambridge University Press.
- Fischer, K. (2000). *From cognitive semantics to lexical pragmatics: the functional polysemy of discourse particles*. Berlin : Mouton de Gruyter.
- Fraser, B. (1999). What are discourse markers? *Journal of Pragmatics*, 31, 931–952.
- Johanson, L. (2003). Evidentiality in Turkic. In A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (Eds), *Studies in Evidentiality* (pp. 273–293). Amsterdam.
- Johanson, L. (2000). Turkic indirectives. In Utas, B., Johanson, L. (Eds), *Evidentials: Turkic, Iranian, and neighboring languages* (pp. 61–87). Berlin – New York : Mouton de Gruyter.
- Schiffrin, D. (1987). *Discourse Markers*. Cambridge : Cambridge University Press.
- Waltereit, R. (1983). *Abtönung: Zur Pragmatik und historischen Semantik von Modalpartikeln und ihren funktionalen Äquivalenten in romanischen Sprachen*. Tübingen : Max Niemeyer Verlag.